

Елизавета Дворецкая

Древняя Русь, IX век. Рыжеволосой красавице Дивляне, просватанной за киевского князя Аскольда, предстоит долгий путь, полный опасностей и злых чар, и она, невеста, возьмет в руки оружие. Как Огнедева, она несет в себе благословение богини солнца — и дочь самой богини смерти Марены станет ее противницей. Лишь хитрость спасет ее от посягательств князя кривичей Станислава, который назовет своей Огнедевой похожую на нее рабыню. А сама Дивляна молит богов, чтобы незнакомец Аскольд оказался точной копией своего брата воеводы Белотура, оберегавшего ее все это время. На чашах весов — любовь и родовая честь!

ОГНЕДЕВА

ЯСКОЛЬДОВАЯ
НЕВЕСТА

Елизавета Дворецкая

ОГНЕДЕВА

ЯСКОЛЬДОВАЯ НЕВЕСТА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5426-8

9 786171 254268

ЛЮБОВЬ
С КВОЗЬ ВЕКА

Елизавета Дворецкая

ОГНЕДЕВА

ЯСКОЛЬЦОВА НЕВЕСТА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки *агентства «ТИМ+»*

ISBN 978-617-12-5426-8
ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)

© Дворецкая Е., 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — вторая в цикле «Огнедева». У ладожского воеводы Домагостя было три дочери, одна лучше другой — красивые, умные, получившие по наследству от матери и бабки мудрость древних волхвов. И вот однажды в Ладогу приехал полянин Белотур, воевода и родственник киевского князя Аскольда, желая сосватать для того невесту — чтобы и собой хороша, и родом знатна, а главное, чтобы принесла правителью полян родственный союз с волховской знатью. Старшую дочь Домагостя не отпустили ладожане, младшая еще не выросла, и выбор пал на среднюю дочь — Дивлянну. Совсем не этого ждала она, уже почти обрученная с Вольгой, единственным сыном и наследником псковского князя. Но ей выпала совершенно особенная судьба. Дивляна наделена благословением Огнедевы — богини солнца, и волхвы говорят, что она избрана, чтобы изменить судьбу родного племени. И вот Дивляна в сопровождении Белотура и своего брата Велема пускается в дальнюю дорогу — с берегов Волхова на берега среднего Днепра, в земли племени полян. Ей предстояло проделать тот путь, который позднее будет широко известен под названием «путь из варяг в греки», но сейчас еще только складывается.

Должна предупредить читателя: это не та Древняя Русь, образ которой мы знаем с детства — «с златоглавыми церквами, теремами да садами». Церквей и теремов в IX веке еще не было, не было сарафанов, лаптей, а также множества вещей, которые являются для нас приметами былинной и сказочной Руси. Даже самого названия Русь тогда не существовало: русами называли скандинавских викингов-разбойников, и Киев пока не стал столицей и матерью городов, а был довольно

маленьким городком вдали от самых оживленных на тот момент торговых путей, и весь его расцвет ожидал впереди. Та знакомая всем Русь, от которой «Русью пахнет», — образ по большей части сказочный. Но ведь удаленность от нас на тысячу и более лет сама по себе не делает эпоху сказкой. Она остается жизнью, и я пытаюсь воссоздать жизненно достоверную картину¹. Даже если для этого приходится жертвовать элементами в литературном плане выигрышными, но исторически невозможными.

Сама летопись, уж на что, казалось бы, уважаемый источник, и та часто оказывается скорее литературным произведением, чем подлинным свидетельством исторических событий. И возникает парадокс — чем больше изучаешь догосударственную эпоху восточных славян, тем в большую растерянность приходишь. Оказывается, все было совсем не так, как написано в летописях, просто не могло быть! Например, князь Олег. В «Повести временных лет» сказано:

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа.

Все бы хорошо, но к какому Смоленску он пришел, если Смоленска-то не было? Современный город Смоленск существует никак не ранее чем с первой половины XI века. Во времена князя Олега, то есть в конце IX века, в окрестностях нынешнего Смоленска существовало довольно много поселений, в основном сел, но, может быть, и одно укрепленное — на реке Свинке, примерно в 16 километрах от современного Смоленска. Может быть, речь шла о нем? Но тогда неправда то,

¹ Присутствие некоторых фантастических элементов этому ничуть не мешает, но взаимоотношение в романе реальности и фантастики — уже другой вопрос, отличный от соотношения реально-исторических и традиционных представлений.

что Олег «принял власть» и «посадил своего мужа» (то есть посадника, какого-то из своих представителей). Почему? Потому что, по данным археологии, до самой середины X века округой будущего Смоленска управляла знать, выросшая на местном корне и жившая независимо от Киева. В 950-х годах разразилась война, постройки сгорели в пожаре и были засыпаны землей, местная знать улеглась в особый тип курганов, и только после этого в культурном слое появились вещи, принадлежащие южной дружинной культуре, — то есть только после 950-х годов в районе Смоленска утвердилась власть Киева, причем в результате настоящей войны. И командовала в этой войне, судя по датам, вероятно, княгиня Ольга с сыном Святославом, но уж никак не Олег, исчезнувший с исторической сцены лет за сорок до того. Конечно, попасть с Волхова на Днепр он едва ли смог бы, минуя его верховья, но насчет «принял власть» — это летописец слегка опередил события. Лет на семьдесят...

Так что же на самом деле было в этих местах во времена Олега? Район нынешнего Смоленска в древности имел огромное значение — там сходились речные пути со всех четырех сторон света и уехать оттуда можно было в любую страну тогдашней цивилизации: на юг — к полянам, а за ними и в Византию, на восток — к булгарам, хазарам, арабам, к вятичам и даже на Каму, к племени пермь; на север — к словенам и в Скандинавию; на запад — к прибалтийским племенам и тоже «в варяги». Здесь посредством сложной системы притоков, озер и волоков северные реки соединялись с теми, что текут на юг. Здесь находился важнейший узел пути «из варяг в греки», но дело-то в том, что в конце IX века этот путь был еще далеко не так известен и освоен, как позднее. Чтобы он смог свободно использоваться, нужно было установить мир и согласие между многочисленными племенами, по землям которых он пролегал. Во многом именно этому посвящен путь Огнедевы-Дивляны, благодаря браку которой с Аскольдом заключается союз между северными словенскими и южными полянами.

Что это были за племена, через земли которых ей предстоит пройти? Как они жили, кто ими правил? Покидая родной привычный дом, Дивляна уезжала все равно что на Тот Свет — в далекие и неведомые края, из которых едва ли можно вернуться. Она увидит новые земли, новых людей, живущих по разным обычаям, — а главное, она изменится сама, как это обязательно случается с каждым, побывавшим за гранью обычного. Но линия горизонта все убегает вперед, и уже не знаешь — да есть ли вообще край у белого света, который вдруг оказался неизмеримо велик?

Этот мир далеко не так прост, как его рисовали нам летописи. И чем больше в него вглядываешься, тем сложнее и разнообразнее он оказывается, открывая все новые, ранее неведомые грани. Князь Олег еще даже не думает о том, чтобы собрать войско и повести его на юг. Мы можем проделать этот путь с теми, кто прокладывал дорогу легендарному князю...

ГЛАВА 1

890 год, осень

Дивляна вышла на опушку, глянула вперед... и вдруг вскрикнула от испуга, невольно шагнула назад, лихорадочно цепляясь за мокрые ветки, чтобы не упасть. Потрясенная, она не могла оторвать взгляд от неожиданного зрелища — и не верила своим глазам.

За рощей, из которой она вышла, на берегу безвестной мелкой речки, лежала довольно широкая луговина. На луговине вытянулись две длинные насыпи — шагов по сорок каждая, с неровными склонами и разбросанными по всей поверхности серыми валунами. Еще сквозь ветки, подходя, Дивляна заметила, что вся луговина усеяна большими белыми пятнами. И теперь поняла, что это не просто пятна — это дети. На мокрой траве покатых склонов тут и там лежали маленькие фигурки — малыши и подростки, лет от трех до пятнадцати, общим числом голов двадцать. Одеты только в белые рубашки, они напоминали стаю лебедей с лебедятами, присевших отдохнуть... заснувших... подстреленных!

Никто не шевелился, и поначалу Дивляне, оцепеневшей от ужаса, показалось, что все они мертвы. Понимая, что надо бы бежать отсюда со всех ног, она, будто против воли, под воздействием невидимой внешней силы, сделала один шаг по влажной траве, потом другой, выпустив из пальцев спасительные ветки опушки...

Вечер накануне выдался ненастным и сырым — и не скажешь, что лишь середина серпена-месяца. Моросил дождь, ветер дул навстречу, гнал волну, так что гребцы, ведшие лодьи вверх по Ловати, быстро выбивались из сил. Поэтому воевода Белотур велел пристать к берегу необычайно рано, задолго до сумерек,

справедливо рассудив, что в такую мокредь на разведение огня и приготовление пищи потребуется больше времени, — да и одежду подсушить, чтобы не ложиться в мокром, тоже будет неплохо.

Завидев удобную отмель, пристали, вытащили лодьи¹. Дивляна в душе радовалась этой остановке — чем ближе были земли чужих неведомых племен, тем тревожнее ей становилось.

До этого они дней двенадцать или пятнадцать пробирались вверх по Ловати — длинной извилистой реке, впадающей в Ильмерь-озеро и ведущей почти строго на полудень. Для волховских словен, к которым принадлежала Дивляна, ее брат Велемысл и вся его ладожская дружина, на полуденном берегу Ильмеря белый свет кончался. По крайней мере, ближайший белый свет, земля, на которой проживали родичи, хотя бы и дальние, или роды, знакомые по рассказам и преданиям. Когда же вышли в Ловать, поначалу ничего особенного Дивляна не примечала. Те же были люди, те же веси над рекой, те же избы, сжатые поля, где сейчас после недавних Дожинок виднелись по краям «Велесовы борода» — последние снопы, украшенные косичками из колосьев, засохшими цветочными венками, окруженные девятью камнями, запирающими плодородную силу земли. С проплывающей неспешно лодьи Дивляна видела, как косят в поймах отаву, как бабы возятся в огородах. Кое-где уже начали дергать лен. Все как дома, и даже могильные насыпи — сопки — на Ловати еще были те же, что и на берегах Волхова-батушки. Люди, которых ладожская дружина встречала, останавливаясь на ночлег или на отдых в полдень, ничем не отличались от волховских и ильмерских словен — ни одеждой, ни выговором. Берега Ильмерь-озера во многом заселялись отсюда, поэтому иные здешние роды еще помнили свое родство с теми, кто укоренился на Ильмере и дальше на Волхове.

¹ Здесь и далее используется устаревшее написание слова «ладья».

Многие здесь знали, хоть и понаслышке, ладожского воеводу Домагостя Витонежича, благодаря чему его дочери со спутниками был обеспечен не только радушный, но и уважительный прием. Отдохнуть удавалось мало именно из-за этого радушия: каждая волость считала своим долгом устроить пир для таких знатных гостей, тем более что в начале осени, после уборки жита, везде появились средства для веселья. А заодно расспросить обо всем подробно, узнать новости из первых рук. Еще бы, не каждый год из словенской Ладogi везут невесту для князя полуденной полянской земли в далекий Киев-город.

Но вот Ловать почти закончилась. Впереди лежал самый сложный участок пути. Теперь предстояло довольно долго пробираться по мелким речкам и озерам, тащить лодьи через волоки и болотные гати, чтобы в конце концов спустить их в Днепр, а уж по нему плыть вниз по течению до самого Киева. Воевода Белотур, проделавший этот путь прошедшей весной, рассказывал, что от Днепра до Ловати он тогда добирался чуть ли не целый месяц. Правда, задержали его не только сложности самого пути.

— Нам бы до Днепра дойти, пока дожди не начались, — говорил он Дивляне и Велему, когда обсуждали предстоящий путь. — А там уж по большой воде лодьи птицей долетят. Сейчас бы в грязи не увязнуть. Попросишь богов о хорошей погоде, а, Дева Ильмера?

Дивляна улыбалась в ответ, но обещать ничего не могла. Ее дорогой ценой доставшаяся сила, дававшая возможность обращаться к богам, в дороге словно бы заснула, и сейчас она не чувствовала в себе ничего такого. И мать, и Яромила говорили ей, что эта сила просыпается только в особенных обстоятельствах: когда все племя собирается вместе, приносит жертвы и молится, объединяя силу своих душ, а тебе остается только принять эту силу и направить.

— Все вместе просить будем, а я только докричаться помогу, — отвечала она киевскому нарочитому мужу и своему будущему близкому родичу. — Боги тогда откликаются, когда все племя просит.

— За нами дело не станет! — обнадеживал Белотур. — Нам такая, как ты, княгиня — просто дар богов. Засухи у нас часты, собираемся всем народом дождя просить, да не всегда Перун слышит. А тебя он слышит, еще как слышит! Я сам видел. Теперь заживем! Ох и рад будет брат мой Аскольд! И не чаёт, какой подарок я ему везу!

Дивляна улыбалась в ответ, тайком вздыхала и отворачивалась. Она смирилась с тем, что ей суждено уехать от родных мест на край света, жить среди чужого племени, стать женой киевского князя Аскольда, сына Ульва Зверя. И никогда больше не видеть ни Ладоги, ни Волхова, ни Ильмеря, на берегах которого боги сделали ее Девой Ильмерой. Не увидать отца и матери, Яромили и Веснавки, братьев Доброни и Витошки, Велеськи, Тепляны, всех ближних и дальних родичей. Не увидать Дивинца, на вершине которого Вольга в тот далекий весенний день впервые обнял ее. Тогда все ждали, что вот-вот на Ладогу обрушится дружина Игволода Кабана, но Дивляна ничуть не боялась, потому что любовь к Вольге заполняла ее душу и заливала все вокруг ясным светом. И те дни, полные тревожного ожидания, в воспоминаниях выглядели радостными и приятными — потому что тогда рядом был Вольга, она верила, что они проживут вместе всю жизнь и будут счастливы всегда, всегда... Та Дивляна, которой она была всего несколько месяцев назад, теперь казалась ей каким-то другим человеком. Сейчас она, Дивомила Домагостевна, дочь старшего ладожского рода и наследница благословения богов, Дева Ильмера, ехала к полянам, чтобы стать женой никогда не виденного ею князя Аскольда. Теперь она уже хорошо знала, что жизнь — это не сладкие девичьи мечты и что род, давший ей силу и достоинство, взамен требует, чтобы и она подчинила его благу свои желания. И она сделала это, потому что человек без рода что сухой лист, подхваченный ветром.

Когда лодьи достигли верховьев Ловати, Белотур в одной из весей нанял проводника, знавшего место, от которого удобнее всего добираться до озера Узмень. Проводник, сильно хрома-

ющий, скособоченный мужик по имени Мезга, после неудачной схватки с медведем стал почти негоден к работе, зато отлично знал окрестности и был рад случаю заработать куну.

Дружина была большая — Белотур вел с собой сорок человек, а Велем присоединил к ним три десятка своих. Третий сын Домагостя женился всего за пять дней до отъезда, зато благодаря этому воевода смог доверить ему такое важное дело, как доставка сестры к жениху. Рослый, сильный, толковый и решительный, но при этом любознательный и общительный, Велем с охотой взялся за поручение — ему и самому хотелось поглядеть, как живут на Той Стороне. Внешнего сходства между ним и Дивлянкой было мало, хоть они и родились от одного отца и одной матери, и объединял их только цвет глаз: черты лица у Велема были по-мужски грубее, но тоже приятные, а волосы темнее.

Так же мало были похожи друг на друга и прочие их братья, двоюродные и троюродные, составлявшие половину Велемовой дружины: в их жилах смешалась кровь словен, чуди, варягов в разных поколениях. Старшие, Гребень и Стоинег, уже были женаты, остальные — Колога, Ивар, Радобож, Селяня, Синята да десяток внуков стрья-деда Братомера — еще нет, и по вечерам они часто подзадоривали друг друга, обсуждая, каких невест себе раздобудут в чужих краях. Для них этот поход в полянскую землю был событием из кошуны, где добрый молодец идет за край света и находит там или Жар-птицу, или молодильные яблоки, или еще какое диво, но уж невесту, волшебницу и красавицу — это непременно!

Остальные гриди были набраны в Ладогe и уже испытаны в недавних сражениях с русью Игволода: Опенок, Осташка, Божил, Нежата, Сокол, Пятьша. Из Святоборова рода были двое: его сын Добройой и братанич Мирята. Послали своих парней или даже молодых мужчин и другие ладожские роды: ведь все они собирались извлечь в будущем немалые выгоды из родства ладожской старейшины с полянским князем. Шли они на шести довольно крупных речных лодьях с наставленными

бортами, вмещавших человек по пятнадцать-двенадцать каждая, да еще с немалой поклажей. Немного найдется сел и городков, где всех удалось бы разместить под крышей, но оба воеводы стремились устроить в тепле хотя бы Дивляну. Всего месяц назад она едва не умерла, простудившись на реке, и ни брат, ни будущий деверь не хотели подвергать лишнему риску ее здоровье и саму жизнь.

— Нет ли тут жилья какого поблизости? — спрашивал Белотур Мезгу. — Хоть заимка, лишь бы изба с печкой была.

— Есть тут и изба, и печка, да лучше не соваться туда. — Мезга покачал головой.

— Что так? Лихие люди? Мы не боимся, пусть нас боятся! — выразительно ответил Велем и подмигнул Белотуру.

Тот усмехнулся: трудно было представить такое лихо, которого стоит бояться дружине из семи десятков хорошо вооруженных мужчин.

— Не так чтобы лихие... Село здесь, Межа называется, — пояснил Мезга, и Дивляна кивнула. Здесь, где кончалась Ловать и начинались неведомые земли, в ее глазах проходила межа Того и Этого Света, а значит, никак иначе село называться и не могло. — Хорошее село, большое, дворов с три десятка.

— Ого!

— Кривичи и голядь живут. Да только гостей они к себе не пускают. Бабка у них одна всеми верховодит — Кручиниха, старейшины Кручины Пытигневича вдова. Лет десять назад стояли у них на ночь варяги торговые, да завезли какую-то хворь злую, лютую — все село в лежку лежало, человек с двадцать умерло. С каждого двора кого ни то на жальник свезли. С тех пор не пускают чужих.

— Да мы уговорим! — Велем ухмыльнулся.

— Не надо! — Проводник потряс нечесаной головой. — Бабка-то, Кручиниха, — она *знает*. Сильная ведунья, духи разные у нее в услужении. Много чего может — порчу снимает... а то и наводит. Кто ей слово поперек скажет — непременно беда случится.

— Не надо мне этой бабки, — недовольно хмурясь, сказала Дивляна. — Обойдусь я без ее печки — среди своих сохраннее.

Белотур кивнул и не стал настаивать. Положение Дивляны было слишком уязвимым, чтобы рисковать навлечь на себя косою взгляд чужой изводчицы¹. Обрученная невеста, она находилась на переломе своей судьбы, когда девушка уже вышла из-под защиты рода и чуров, но еще не вошла в другой род. Это время считается самым опасным, когда девушка наиболее доступна для любого видимого и невидимого зла, а Дивляне к тому же предстояло ехать так далеко — на край света, куда с робостью в душе пускаются даже зрелые, сильные мужчины.

Отроки тем временем начали устраивать стан: таскали от лодий поклажу, ставили шатры. В роще стучали топоры, и Мирята выбивал искру над кучкой щепок и бересты, а Опенюк держал над ним щит, прикрывая от дождя и ветра. Запылали костры; вырубив в роще жерди, над пламенем растянули пологи из бычьих шкур, чтобы не заливало дождем. Такими же шкурами был покрыт шатер для Дивляны, и две ее челядинки уже возились внутри, раскладывая на земле сперва еловый лапник, потом кошмы, потом овчины, потом одеяла... Но сидеть в шатре среди сырости не хотелось, поэтому Дивляна пристроилась на бревнышке возле огня. Под пологом собирался дым, ел глаза и не давал дышать, но все же тут было лучше, чем под дождем. Как говорится, дымной горести не терпеть — тепла не видеть.

Варили кашу, отроки резали купленные в одном из сел караваи из нового жита. Когда наконец все расселись, держа на коленях по миске с горячей кашей, уже начало темнеть. Дождь все поливал, ветер бросал в лицо дым. Морщась и отворачиваясь — это известное дело, с какой стороны ни сядь, дым пойдет на тебя! — Дивляна случайно глянула в сторону и вдруг увидела вдали огонь.

¹ Изводчица — колдунья, способная насылать извод, то есть порчу (от слова «известить»).

Охнув, она схватила за руку сидящего рядом Велема и дернула:
— Смотри!

Огонь будто висел между небом и землей, вероятно, он горел на какой-то возвышенности, которой в густых сумерках не было видно, и оттого производил пугающее впечатление. Невысокий, трепещущий, отчаянно борющийся с ветром и дождем, он тем не менее упорно пылал, резко бросаясь в глаза среди окружающей тьмы.

— Смотрите, смотрите! — Заметив огонь, поляне и ладожане стали дергать друг друга за рукава, толкать в плечи и показывать на диво. Наступила тишина, и все в тревожном изумлении уставились на пламя, парящее над землей.

— Вот это да! — пробормотал рядом с Дивляной брат Селяня. — Это сколько же там серебра?

В Ладогe ходило немало преданий о старых варяжских кладах, зарытых разными людьми у начала длинного торгового пути, где очень редко выпадали спокойные времена. Все знали, что забытый и оставшийся без хозяина клад дает о себе знать огнем, видимым в ночи, загорающимся сам по себе, и теперь, увидев огонь в пустынной местности, ладожане первым делом подумали о зарытом серебре.

— Разве сходить посмотреть... — Другой брат, Гребень, отставил миску и стал было подниматься, но Дивляна схватила его за полу:

— Сиди! Серебра тебе чужого надо? А если это нечисть нас заманивает? Или забыли, где находитесь?

— И бабка, вон, опасная у них... — поддержал Колога, кивнув на Мезгу, который рассказывал о местной изводчице. — Ну его к юдам¹, даже пусть и серебро...

Никто никуда не пошел, тем не менее, поедая кашу, все то и дело косились в сторону огня. А он все пылал, будто пытается переупрямить дождь.

¹ Юда — злой дух, пришедший из карело-финских верований, известный в северных областях.

— Огни горят палючие, котлы кипят кипучие — хотят козла зарезати... — пробурчал Сокол, вспоминая кощуны, и Дивляна содрогнулась: эти строки очень хорошо подходили к ощущению неведомой жути, которое вызывал огонь в ночи. Так и казалось, что духи, обитатели Той Стороны, собрались тут и ожидают неосторожных путников. Сидящие рядом поехали и невольно сдвинулись друг к другу плотнее.

— И что, часто так бывает, чтобы серебро огнем из земли выходило? — спросил Белотур, подув на кашу и окинув непринужденным взглядом лица сидящих тесным кружком ладожан, озаренные неровным светом костра.

Покосившись на него, Дивляна подумала, что он это спрашивает не столько из любопытства, сколько ради того, чтобы отвлечь впечатлительных отроков от пылающего в темноте зловещего огня. Его собственная полянская дружина все-таки однажды уже проделала этот долгий путь от среднего Днепра до Варяжского моря, а вот ладожане забрались так далеко от дома впервые и чувствовали себя неуютно.

— Случается! — заверил Селяня, несмотря на свои пятнадцать лет, рассудительный и при этом веселый и бойкий парень. — Помнишь, Радоня, с Родоумихой случай был? — Он подтолкнул локтем одного из братьев. — Родоумиха, ты видел ее, Тур, вот такая баба!

Он обвел руками нечто округлое, раскинув их почти во всю ширь, и мужчины у костра засмеялись:

— Да уж, это чудо трудно не заметить!

— Это да — баба, обнять рук не хватит!

— Втроем надо!

— Тогда Родоум еще жив был, — продолжал Селяня. — Вот пошла она однажды белье на реку полоскать, пральником¹ колотит — аж мостки трясутся. И вдруг чует — за спиной стоит кто-то. Обернулась, глядь, а там девка незнакомая, а сама

¹ Пральник — инструмент вроде совка на ручке, которым колотили белье в процессе стирки.

красивая такая, нарядная. Девка и говорит: «Ударь меня пральником!» Родоумиха думает себе: «Зачем же я такую красоту буду бить?» И спрашивает: «Девка, ты чья? Что-то я не знаю тебя!» Та не отвечает и опять за свое: «Ударь меня пральником!» А Родоумиха опять: «Не буду, а то я как вдарю, от тебя мокрое место останется». Та еще раз попросила, а потом говорит: «Сто лет я в земле лежала, видно, еще сто лежать придется». И пропала. А то и был клад старый варяжский. Уж ее Родоум потом ругал, ругал за дурость: ударила бы, девка бы серебром рассыпалась. Вот бы они разжились — сам бы Родоум с товаром ездил. А та, дура, счастье свое проворонила.

— А еще мой стрый Волога рассказывал, — подхватил Нежата. — Он тогда молодой был, неженатый, но уже к невесте своей, тетке моей, присватался. И вот шел он раз вдоль Волхова, где сопки, и вдруг видит девку перед собой, откуда взялась — непонятно. А красивая — глаз не отвести. Он и спросить не успел, чья она такая, а она сразу и говорит: «Возьми меня замуж». Он кабы ничего, то прямо сразу взял бы. А он и задумался: да как, просватали невесту, по рукам ударили... Он и говорит: «Не могу, есть уже невеста». А девка вдруг как превратится в котел железный, да как тот котел покатится с берега, а в нем серебро так и гремит! Покатился — и в Волхов бултых! Только круги пошли. Это значит, если бы он согласился ее в жены взять, то остался бы котел и все серебро ему бы было. Вот так оно...

Поляне посмеивались и покачивали головами, слушая эти предания, хорошо известные в Ладогe и ее окрестностях, на древнем Пути Серебра. А Дивляна поглядывала на Белотура — благодаря его уверенному спокойствию и ее страх прошел, и она уже смотрела на горящий в ночи неведомый огонь не более чем с любопытством. Старший киевский посол приходился ее будущему мужу двоюродным братом по матери и примерно ровесником — ему было чуть за тридцать, а самому Аскольду, по его словам, на два года меньше. В полянском племени Белотур уже несколько лет ходил в воеводах,

унаследовав эту должность от отца, а тот — от деда: их род издавна славился сильными, умелыми и удачливыми воинами, любимцами Перуна. У него было продолговатое лицо с крупными чертами, широкий рот, крепкие белые зубы блестя в бороде, совсем светлой, как и волосы и брови. Красотой он не отличался, но открытое лицо с дружелюбным выражением и мощная фигура делали его весьма приятным для взора. Общительный и приветливый, он с самого начала обращался с невестой брата по-родственному заботливо и тем внушал ей надежды на хороший прием в роду мужа. Казалось, при каждом взгляде на нее он заново радуется и поздравляет себя с тем, что раздобыл для брата такое сокровище, и эта радость в его серо-голубых глазах согревала сердце Дивляны и понемногу примиряла ее с судьбой. Окажись ее будущий родич не столь добросердечным, она себя не помнила бы от отчаяния в этом пути, навсегда удаляем ее от родного и привычного.

— Так что, не жалел твой стрый, что невесту на котел серебра не променял? — Белотур улыбнулся Нежате.

— Не, — тот ухмыльнулся, но подумал, скорее всего, о своей собственной невесте Тепляне, родственнице Дивляны и Велема, которая ждала его в доме воеводы Домагостя.

— Ну, как говорится: коли в дому лад, не надобен и клад!

Белотур глянул на Дивляну, и она улыбнулась ему. В последнее время ей не раз приходило в голову: ах, если бы ее будущий муж, князь Аскольд, оказался похож на Белотура, был бы таким же добрым, искренним, надежным человеком! Тогда жизнь ее могла бы сложиться не так уж несчастливо. Хотя настолько счастливой, как собиралась быть с Вольгой, она не будет уже ни с кем и никогда. Потому что никогда и никого, будь он хоть сам Ярила, она не полюбит так сильно, как любила Вольгу... любила и сейчас еще...

Прочие поляне — нарочитые мужи Битень, Валун, Бориполк с сыновьями Жданом и Желаном, Родобуд, отроки из их дружин — тоже выглядели людьми неплохими. Говорили они

немного иначе, порой вставляли словечки, которых ладожане не понимали, но в целом были такими же людьми, с такими же чувствами и стремлениями, а не выходцами из Закрадного мира¹.

Но сейчас взгляд Белотура почему-то смутил ее: она даже спрятала руки, плотнее завернувшись в толстый плащ из колючей шерсти. Белотур смотрел так, будто любовался ею, а чем тут любоваться? Рубашка простая, вотола эта зеленая, своими руками крашенная... На подоле сухие стебли: в таких случаях девке говорят, что-де «вдовцы налипли», за вдовцом замужем быть. И где только подцепила? Ах, ну да, Аскольд же двух княгинь похоронил, вдовец, стало быть...

Не умея взглянуть на себя чужими глазами, Дивляна не понимала, что даже сейчас, в плаще, покрашенном дубовой корой в зеленовато-бурый цвет, почти без украшений, она выглядит как та самая Огнедева, или Денница, как ее называли в земле полян, дочь Солнца и невеста Ярилы. В самом расцвете девичьих лет — весной ей исполнилось шестнадцать, — среднего роста, легкая, стройная и подвижная, она вся дышала теплом, жизненной силой, которая горела в румянце на щеках, в ярких, как спелая земляника, алых губах, сияла в серо-голубых глазах под густыми черными ресницами. В ее толстой косе, рыжевато-золотистой, словно затаилось солнце; она казалась теплой даже на вид, и ее все время хотелось потрогать. Легкие кудряшки возле висков и надо лбом красиво обрамляли нежное лицо. Ее старшая сестра Яромила, которую Белотур поначалу сватал за своего брата, была, пожалуй, красивее чертами, да и ростом выше, но эта жизненная сила, которой Дивляна была переполнена, привлекала и привязывала к ней прочнее всякой красоты. Нередко она бывала грустна и задумчива — ничего удивительного, если знать, что ей пришлось навсегда покинуть родные края и всех родичей. Но порой, забывая об этом, она смеялась,

¹ Закрадный мир — мир мертвых; от «за крадой», то есть погребальным костром.

и тогда радость разливалась вокруг широкой волной, как бывает, если меж тучами вдруг проглянет солнце и бросит золотой луч, оживляя хмурую, промокшую землю. Белотур был рад, что в конце концов им досталась именно эта невеста — девушка, способная одним своим присутствием согреть все вокруг и радовать сердце. Неудивительно, что Огнедева выбрала ее своим земным воплощением: она была полна расцветающей прелести, точно сама богиня весны. И хотя он старался держать себя в руках и не давать воли мечтам о невесте брата, близость Дивляны и в нем зажигала кровь, наполняла огнем и удалью, будто он сам — не воевода и отец уже почти взрослого сына, а молодой парень, жених! Рядом с ней, казалось, каждый мог начать все заново, вернуться в юность — в то время, когда все еще впереди, — потому что весну человеческой жизни она несла в себе.

Ночь прошла спокойно: несколько раз Дивляна просыпалась и слышала, как переговариваются отроки у костра, как с треском ломают сучья, чтобы подкинуть в огонь, однажды различила голос Белотура, проверявшего дозоры. А утром она проснулась раньше всех — обе ее челядинки, Кунота и Долговица, еще сопели по бокам, укутавшись в одеяла до самого носа, и снаружи не доносилось никакого шевеления. Между тем, судя по яркому свету, проникавшему сквозь щель полога, погода наладилась. Потеплело, Дивляне даже было жарко в верхней из толстой шерсти и шерстяных вязаных чулках, в которых она спала под одеялом и большой овчиной.

С усилием выкопавшись из-под всего этого и нашарив среди одеял свой пояс, она на коленях поползла к пологу и выглянула наружу. И дух захватило от радости — какой прекрасный день начинался! Небо совершенно очистилось от туч и сияло яркой, льющей в глаза голубизной; вставшее солнце сушило вчерашнюю влагу, трава зеленела, и будто вернулось лето. Сквозь утреннюю свежесть уже веяло теплом, блестела золотом река, мир казался открытым на все стороны, приветливым и светлым. И не скажешь, что тут уже почти Та Сторона...

Дивляна выбралась из шатра, обулась, оправила рубахи и пояс, подтянула чулки, пригладила косу. Потом сходила умыться к реке. Костры погасли, вокруг них, под пологом и просто на траве, спали ладожские отроки и Белотуровы кмети, плотно завернувшись в плащи. От легкого шелеста ее шагов по траве никто не проснулся. Но лезть обратно в темный, душный шатер, полный запахов влажной шерсти и кожи, Дивляне совсем не хотелось.

Она осмотрелась по сторонам. За близкой рекой виднелись ивы, справа зеленела роща. Где-то там, за рощей, они вчера видели парящий в воздухе огонь... «Пойти посмотреть?» — подумалось Дивляне. Глубоко внутри что-то испуганно ойкнуло, но любопытство победило. Сейчас ведь не то, что вчера: светло и совсем не страшно. И она побрела через луговину к роще, выбирая места, где поменьше травы, чтобы не слишком мочить подол. Она не знала, далеко ли придется идти, но роща кончилась довольно быстро, сменившись заросшей лядиной. Видимо, ее пахали в последний раз лет десять назад — молодые березки поднялись как раз по плечи человеку, а между ними сплошным строем стояли грибы-подберезовики с коричневыми шляпками. Лядина указывала на близость жилья, но почему же тогда грибы никто не собирает? Дивляна еще подумала, что на обратном пути наберет, сколько влезет в подол, — в котел все сгодится. Но вот кончилась и лядина, а за ней...

Ясно, что это был жальник — точно такие же длинные курганы, вытянутые порой на десятки шагов, она не раз видела в последние дни на берегах, где они перемежались с округлыми словенскими сопками. В таких курганах хоронили прах своих умерших кривичи, чьи поселения встречались уже и на Ловати, а здесь, в ее верховьях, начинались их коренные земли. Вот почему тут никто не собирает грибов — здесь владения мертвых. Судя по длине и высоте, эти два кургана были довольно стары и приняли в себя прах не одного поколения. На склонах тут и там шелестели листвой на утреннем ветру те же молодые березки, на ветвях качались рушники с особой по-

гребальной вышивкой, где совсем свежие, а где давно полинявшие, избитые пральниками ветров и выполосканные дождями. Под березками в траве виднелись горшки с поминальными угощениями. Но главное...

Некоторое время Дивляна стояла, мертвой хваткой сжав в кулаке сине-голубую бусину-глазок, висевшую у нее на шее: прощальный дар Ильмерь-озера и всех ее предшественниц, ранее носивших священное звание Огнедевы. Нет, это ей не мерещится. Здесь жальник, и на склонах кургана — только одного из двух — прямо на траве застыли дети и подростки. Живые... или нет? Ни ран, ни крови на них не было видно, но они лежали неподвижно, будто не замечая в своих тонких исподних рубашках утренней прохлады и сырости земли...

Ближе всех, всего в паре шагов от нее, лежала девочка лет восьми, со светлой косичкой, скорчившись и прижав кулачки к груди. На обоих ее запястьях Дивляна увидела науз — красную шерстяную нить с узлами. Заставив себя сделать шаг, она наклонилась и всмотрелась в лицо девочки. Та выглядела спящей, а на шее у нее был еще один науз — множество сложных узлов, каждый из которых завязывается с особым заговором. Дивляна, наследница многих поколений волхвов, хорошо разбиралась в таких вещах. Кроме науза, на шее девочки виднелась костяная фигурка птички — таких оберегов словены не носили.

Глубоко вдохнув, собрав в кулак всю свою смелость, Дивляна опустила дрожащую руку и прикоснулась к руке девочки. Кожа ее была прохладной, как у всякого, кто слишком долго пробыл на воздухе в нежаркое время, но мягкой. Она сжала пальцами запястье, прислушалась... Жилка билась!

Ух! Дивляна почувствовала такое громадное облегчение, будто с плеч свалился сам Дивинец, знаменитая ладожская сопка, могила древнего конунга Ингваря. Она вдруг обнаружила, что сама все это время, похоже, не дышала. Уже смелее она схватила девочку обеими руками за плечи и стала трясти.

— Просыпайся! — требовательно позвала Дивляна. — Ты ведь живая, да? Просыпайся, ну, быстрее!

Девочка вздрогнула и очнулась. Шевельнулись белесые ресницы, поднялись веки, на Дивляну глянули светло-голубые, будто у котенка, еще бессмысленные глаза...

— Слава Макоши! — воскликнула Дивляна.

А девочка распахнула глаза во всю ширь и резко отстранилась, бросила взгляд по сторонам и оцепенела.

— Не бойся! — Дивляна присела перед ней на корточки и снова взяла за руку. — Я тебе ничего дурного не сделаю. Как ты здесь очутилась? Почему вы все здесь лежите, что это значит? Кто вас сюда привел? Где ваши родные?

Она огляделась, потом оставила в покое девочку, которая только смотрела на нее с ужасом и недоумением, и принялась тормошить всех подряд — подростка лет тринадцати, к которому прижался братишка лет четырех, красивую пятнадцатилетнюю девушку, еще двоих мальчиков лет семи-восьми... Все были босы, с ледяными руками и ногами, в одних исподках, и у всех обязательно на руках и на шее Дивляна видела те же наузы из красной шерстяной нити. Все матери навязывают их своим детям, и Дивляна с сестрами в детстве носила такие же, но не в таких количествах! Этих детей хотели от чего-то уберечь... Но почему они оказались ночью на жальнике, будто жертвы, почти раздетые и бесчувственные? Ни на ком не было поясов — значит, они собирались спать... Здесь, на земле?

Бегая от одного к другому, она теребила, тормошила, звала, старалась привести в чувство. Постепенно жальник оживал: девочки, мальчики, парни-подростки и юные девушки приподнимались, хватались за головы, терли глаза... Кто-то заревел, кто-то подхватил, раздались первые осмысленные голоса, старшие утешали младших. Но большинство тех, кто уж пришел в себя, не отрывали глаз от Дивляны. Ну еще бы, красивая и совершенно незнакомая девушка, разбудившая их на жальнике, должна была показаться им видением.

Один за другим вставая на ноги, поднимая младших, они все стягивались к ней и вскоре обступили плотным кольцом.

— Кто вы такие? — Убедившись, что неподвижных, оцепеневших фигур на траве больше нет, что все уже поднялись или хотя бы очнулись, Дивляна огляделась, выискивая взглядом самых старших. — Как вы сюда попали? Откуда вы все? И почему вы спите на земле... на жальнике? Кто вас сюда привел? Зачем?

Но ответа ей удалось добиться не сразу: даже старшие, даже те, кому было лет по тринадцать-четырнадцать, а значит, с кем уже можно было разговаривать как с разумными взрослыми людьми, поначалу только таращились на нее с немым изумлением. И чем дальше, тем сильнее в голубых глазах, смотревших на нее со всех сторон, разгорался страх. Подростки оглядывались, жались друг к другу, иные продолжали реветь.

— А кто ты? — наконец раздался чей-то робкий тонкий голос.

Дивляна обернулась и увидела ту девочку, которую разбудила первой.

— Я... Огнедева, — ответила она, немного поколебавшись.

Конечно, можно было сказать, что она — Дивомила Домагостевна, дочь ладожского воеводы, внучка Радогневы Любшанки, наследница старшего рода, невеста полянского князя Аскольда... Но едва ли эти дети, живущие уже за чертой Того Света — если здесь вообще *живут*, — знают всех этих людей.

— А, я знаю! — помедлив, откликнулась та же девочка, и ее смышленное личико просияло. — Огнедева — это то же, что Сауле. Ты — Сауле? Ты пришла, чтобы нас спасти?

— Что такое Сауле? — не поняла Дивляна.

— Да вон она... ты! — Девочка подняла руку и указала на встающее над рощей солнце, вовсе не удивленная тем, что оно находится на небе и на земле одновременно.

Дивляна улыбнулась.

— Да, это я. Но вы кто такие? Откуда вы родом?

— Мы из Межи, — вступил наконец в разговор один из подростков. — Кореничи мы.

— А мы — Синеличи! — подхватил другой голос.

— И где ваша Межа?

— Вон там. — Ей показали в другую сторону, где зеленел лес.

— Но почему вы здесь, а не в Меже? Кто вас привел сюда?

— Это... — Подросток хотел ответить, но голос его почему-то прервался, на глазах заблестели слезы... — Это она...

— Ее игрецы! — таким же дрожащим голосом подхватил кто-то.

— Нас... хотели... съе-е-е-есть... — прозвучал еще один надрывный от подступивших слез голос и тут же окончательно перешел в плач.

И тут дружно зарыдали все: мальчики и девочки, совсем маленькие и постарше. Дивляна беспомощно огляделась, чувствуя себя незадачливым пастухом среди ревущего стада. И такой глубокий, застарелый ужас слышался в этом плаче, такая безнадежность, что ее мороз продрал по коже и захотелось бежать. Несмотря на яркое солнце, синее небо, живую зелень и тепло вокруг, ей стало жутко. Она действительно попала на Ту Сторону, где творятся какие-то страшные, непонятные, жестокие дела! Она и правда забрела в какую-то ужасную басню, из тех, которыми пугают непослушных детей.

И тут у нее отлегло от сердца: на опушке, откуда она пришла, мелькнуло несколько знакомых фигур — сперва вышел братец Селяня с озадаченным лицом, потом Душила и Осташка. Обернувшись, тот торопливо махнул кому-то рукой, и появился Белотур, а за ним Велем. Все были растрепанные, явно еще не умытые, кое-как подпоясанные, Селяня даже босиком — видимо, проснулись, обнаружили исчезновение своей Огнедевы и кинулись во все стороны искать пропажу. И надо было видеть их лица, когда они обнаружили Дивляну — на чужом жальнике, в окружении незнакомой ревущей детворы!

А она, пробившись через толпу, бросилась к своим, схватила Велема за руку и затеребила, не давая ему раскрыть рта:

— Они лежали здесь, они лежали прямо на земле! Я думала, они все мертвые!

Заметив чужих мужчин, дети перестали реветь, сбились в тесную кучку и замолчали, настороженно их оглядывая из-под падающих на глаза светлых влажных волос. Теперь было видно, что они все или почти все близкие родичи — одинаковые узоры на рубашках, очень схожие лица, как и бывает в родах, где жизнь проживают бок о бок и даже думают одинаково.

— Они из Межи, — пояснила Дивляна. — И их кто-то хотел съесть...

Один из мальчишек вдруг сорвался с места и бросился бежать. Другие тоже встрепенились. На опушке того леса, за которым, по словам детей, находилась Межа, появились люди — мужики с кое-как завязанными поверх исподок поясами, женщины в поспешно намотанных убрусах, с заплаканными лицами. Сорвавшись с места, дети кинулись к ним, женщины бежали им навстречу, причитая на ходу, а мужчины настороженно и враждебно разглядывали чужаков. Многие сжимали топоры...

Белотур поднял руку, словно призывая к вниманию, и сделал шаг вперед. Несмотря на простую одежду, весь его облик был полон уверенной силы и дышал привычкой повелевать — он был безоружен, но местные попятнулись.

— Здоровы будьте, люди добрые! — окликнул он. — Чьего вы роду, чьего племени?

— Мы-то — Кореничи межевские. — Один из мужиков вышел вперед, еще сжимая топор в опущенной руке. Лет ему было на вид сорок с чем-то, а светлые волосы и голубые глаза позволяли предполагать в нем отца или деда кого-то из озябших детишек. Судя по беспокойным взглядам, которые он невольно бросал, в детской стайке и впрямь имелись его потомки. — Я — Милоум, Кручинов сын, Пытигневов внук. Со мной братья мои Кореничи, а еще Синеличи, себры наши и сваты. Земля эта наша, уж пятое колено наших родов ею владеет. А вы кто и что на нашем жальнике родовом делаете?

— Я — Белотур, Гудимов сын, Ратиборов внук, брат полянского князя Аскольда и князя Святослава Всеволодовича внук. Здесь дружина моя киевская и сваты мои ладожские. Вон — Велемысл Домагостевич, сын воеводы ладожского Домагостя Витонежича. Держим путь из Ладоги в полянскую землю, в Киевгород. Кому дань даете?

— Князю смолянскому Громолюду Удачевичу — уж пять лет как. А до того давали кривичскому князю Велебрану.

Белотур кивнул: он знал, как произошла эта перемена.

— Это она нас оживила! — раздался рядом знакомый тонкий голосок, приглушенный почтением к старшим, но тем не менее Милоум обернулся.

Держась за руку женщины средних лет, рядом стояла та восьмилетняя девочка с костяной птичкой на шее.

— Это она! — Девочка показала на Дивляну. — Это Сауле, батя, Огнедева. Она сама сказала. И она нас оживила.

Милоум вытаращил глаза. Он и раньше приметил Дивляну, стоявшую между Белотуром и Велемом, и, наверное, задумался бы, что это за красивая девушка в самой поре, но без обычной девичьей тканки на голове, если бы у него было на это время. Но... Сауле? Огнедева? Само солнце, почему-то сошедшее на землю?

— Это невеста брата моего, князя Аскольда. — Белотур положил руку ей на плечо. — И она — Дева Ильмера, Огнедева волховских и ильмерских словен. Благословение богов на ней. Она нашла ваших детей спящими на жальнике и разбудила их. Может, вы расскажете, что здесь происходит?

— Ты... Огнедева? — Женщина, держащая бойкую девочку за руку, сделала шаг вперед, подавшись ближе к Дивляне. — Ты — Дева Ильмера? Я знаю... Моя бабка из Взвада родом... Она рассказывала про Деву Ильмеру, ее звали Благочеста... но она была последней!

— Благочеста Гостивитовна моей бабки Доброчесты была родной сестрой, — ответила Дивляна. — После нее боги семь десятков лет не находили новой избранницы, но этим летом,

когда я приехала в Перынь¹, огонь на жертвеннике Лели-Огнедевы вновь загорелся.

— Это правда, — подтвердил Велем, и Белотур кивнул.

Жители Межи в изумлении разглядывали девушку, и в ее красивом лице, в косе, сияющей червонным золотом, уже видели отражение божественного света. И хотя любому было трудно свыкнуться с мыслью, что перед ним стоит богиня, никто не сомневался: именно таким и должно быть земное воплощение Солнечной Девы.

— Это боги нам тебя послали! — среди наступившей тишины выдохнула женщина и всхлипнула. — Огнедева! Спасение наше! Слава чурам! Слава Макоши-матушке! Услышали деды наши мольбы! Как уж мы ждали, как просили — когда солнце взойдет и к нам на порог...

— Ну, коли боги саму Огнедеву с небес свели нам на помощь, что же мы, как дивьи² неученые, ее в дом не зовем? — усмехнулся другой мужик, постарше и поплотнее, с такой же, как и у Милоума, светлой бородой и веселыми голубыми глазами. — Что застыл, Миленья, стоишь, будто лунь болотный? Кланяйся, зови Огнедеву в дом!

— Пожалуй, Огнедева! — Милоум, еще раз окинув взглядом лица родичей, неуверенно, хотя и без неохоты, поклонился сперва Дивляне, потом ее спутникам. — Пожалуйте, воеводы, будьте нашими гостями!

Межа действительно оказалась довольно обширной весью, и даже недавний мор, о котором рассказывал Мезга, не нанес заметного ущерба численности его населения. Избы были срубные, под дерновыми и соломенными крышами, но в жилье старого Кручины, где теперь обитал его сын и наследник Милоум, имелся очаг в земляном полу — в виде вытянутой ямы, обложенной камнями, вокруг которой стояли горшки, вылепленные руками местных женщин — серые, желтые,

¹ Перынь — святилище над Волховом, возле озера Ильмень (Ильмерь), посвященное женским божествам.

² Дивии — дикари, дикие.

темно-бурые, простые и без узоров. Только один горшок был красивый, с ровными стенками и цветной росписью, как бы свидетельствуя, что жители Межи не чужды торговли. Оно и понятно — живут рядом с торговым путем. Еще при дедах была сложена печь, обычная для словенских жилищ, но и старинный очаг не решались засыпать: под его камнями обитали чурь, которым не понравится, если потомки перестанут их кормить и греть.

Первоначально в Меже жили всего два рода — кривича Корени и голядский род Синелиса, иначе Синели, как его стали называть соседи. За четыре-пять поколений семьи разрослись и так перемешались, что брать жен друг у друга Кореничи и Синеличи больше не могли — все в родстве. И хотя в семьях Синеличей еще сохранялись родовые голядские имена, говорили все на одном языке и жили одинаково. Дивляна не сразу начала различать, кто из спящих вокруг детей и взрослых из Кореничей, а кто — из Синеличей, пока не заметила на подолах родовые знаки, — тогда все стало ясно.

Старейшиной над всеми в последние лет двадцать или больше признавался глава Кореничей — Кручина. Когда он умер, его права и влияние унаследовал сын Милоум, но не меньшим весом обладала и его мать, вдова Кручиниха. Причиной тому был ее решительный нрав, хозяйственная опытность, а также немалые ведовские знания и умения. Неуживчивой старухи боялись и свои и чужие, но никто лучше ее не лечил скотину и людей, не умел приносить жертвы, чтобы выпросить у богов дождей в нужное время или отвести тучи, когда дождя не надо, отвадить волков и медведей от пасущегося в лесу стада. Наиболее она славилась как зелейница¹, знающая сотни съедобных, лечебных, волшебных трав. Кручинихе во всем помогали духи, невидимые слуги, которым она всегда, садясь есть, бросала по несколько ложек или кусков от каждого блюда под стол.

¹ Зелейница — ведунья, знающая травы, то же, что травница (от слова «зелье» (с «ь»), то есть травы).

И вот недавно бабка Кручиниха умерла. Умерла внезапно и в одночасье — шла в одиночку с выгона и упала замертво. Ее нашли только к вечеру — бездыханную, с искаженным лицом, то ли испуганным, то ли разгневанным. Женщины подняли крик и плач, мужчины ходили, «будто луном склеванные», как тут говорили, то есть растерянные и ошарашенные. За тридцать последних лет все привыкли, что их жизнь и благополучие в надежных руках знающей бабки, а без нее все разом ощутили себя беззащитными и брошенными. Ходили слухи, что старуха умерла не просто так, а что догнала ее прилетевшая с ветром чужая, наведенная порча. Конечно, врагов она успела нажить немало, но до сих пор поблизости не находилось равных ей соперников в колдовском деле. Неужели таки нашелся? Винили «дикую голядь», жившую в лесах на восточной стороне, но что же тут докажешь? От этих мыслей было еще страшнее, и все до одного ждали неминуемых бед.

Бабку похоронили по обряду: в глухом лесу на Мариной плещи устроили высокую краду, положили на нее тело в лучшей одежде, с многими рядами снизок на шее — из синего, зеленого, голубого, желтого стекла, — с широкими бронзовыми браслетами на морщинистых руках, в высокой богатой кичке, украшенной десятком колец-заушниц с подвесками, как принято у местной голяди, с которой бабка была в родстве. Рядом разместили все, что могло понадобиться умершей: кремень и огниво, шилья, ножницы, иглы и вязальные крючки, которыми она за долгую жизнь связала несчетное множество чулок и рукавиц, пряслень, серп, дорогой покупной гребень из заморского душистого дерева. Когда крада прогорела, остатки костей и то из вещей, что попало среди углей и золы, собрали в берестяной туес и зарыли на вершине кургана Кореничей, придавив большим камнем. Во рву вокруг кургана и на вершине разложили огонь — погреться бабкиной душеньке, справили страву...

Думали, проводили по чести, да не тут-то было. Когда бабка Кручиниха шла с выгона, ее знаменитая клюка находилась

при ней — в наверхии клюки была вырезана бородатая голова чура, и все знали, что именно в ней-то и живут бабкины духи-помощники. Перед смертью ведун должен их передать хоть кому-нибудь. Но никого при бабке не оказалось, и клюка ее валялась рядом с телом, выпав из мертвых пальцев — так ее и нашли. Тело бабки подняли, но клюку оставили на месте — боялись к ней прикоснуться. Кто возьмет клюку, тот возьмет и духов, а с ними справляться — уметь надо.

В Меже имелось несколько мужиков или женщин посмелее, кто не отказался бы обрести силу вместе с духами-помощниками. Но кто бы ни брал в руки бабкину клюку, наутро та оказывалась на вершине кургана, возле камня, которым прикрыли яму с прахом Кручинихи. Это означало, что ее духи не хотят покидать прежнюю хозяйку.

— Видно, ищут нового хозяина достойного, — рассказывал Дивляне и обоим воеводам Милоум. — Наша кровь-то старая, знатная. Бабка была из хорошего голядского рода, из Милогодовичей, а они с самими князьями старыми голядскими в родстве. Княгиня Колпита, старшая Громолюдова жена, из них тоже сама.

— Так вы с Громолюдовой княгиней в родстве? — Белотур поднял брови.

— Хоть и в дальнем, а дедами счесться можем. — Милоум важно кивнул. — Видно, духи-то хотят княжьей крови себе хозяина. И верно — ведь есть такой человек...

— Да ты лучше про жальник сперва расскажи, — посоветовал тот веселый толстяк, Милоумов родич, названный Синелей в честь почитаемого предка.

— Да, про жальник, — вспомнил Милоум. — Как похоронили, а через три дня наутро смотрим — нет скотины! Вся разом исчезла, у всех! Как растаяла, как навьи унесли! Кинулись искать — а следы на жальник ведут. Пришли — вот она вся, родимая наша! Коровы, овцы, козы — у нас скотины людно, слава Велесу! — все здесь, стоят, травы не жуют, не мычат... будто зачаровал кто! Пригнали домой, стали бабы доить — молоко

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета
Огнедіва. Аскольдова наречена
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 19.11.2018. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Огнедева. Аскольдова невеста

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 19.11.2018. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Давня Русь, IX століття. На рудоволосу красуню Дивляну, просвантану за київського князя Аскольда, чекає довгий шлях, сповнений небезпек і злих чар, і вона, наречена, візьме до рук зброю. Як Огнедіва, вона несе в собі благословення богині сонця — і дочка самої богині смерті Марени стане її супротивницею. Лише хитрість порятує її від зазіхань князя кривичів Станіслава, який назве своєю Огнедівою схожу на неї рабіню. А сама Дивляна молить богів, щоб незнайомиць Аскольд виявився точною копією свого брата воеводи Білотура, котрий оберігав її весь цей час. На шальках терезів — кохання і родова честь!

Дворецкая Е.

Д24 Огнедева. Аскольдова невеста : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5426-8

Древняя Русь, IX век. Рыжеволосой красавице Дивляне, просвантанной за киевского князя Аскольда, предстоит долгий путь, полный опасностей и злых чар, и она, невеста, возьмет в руки оружие. Как Огнедева, она несет в себе благословение богини солнца — и дочь самой богини смерты Марены станет ее противницей. Лишь хитрость спасет ее от посягательств князя кривичей Станислава, который назовет своей Огнедевой похожую на нее рабыню. А сама Дивляна молит богов, чтобы незнакомец Аскольд оказался точной копией своего брата воеводи Белотура, оберегавшего ее все это время. На чашах весов — любовь и родова честь!

УДК 821.161.1